

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

Ислам, исламизм и экстремизм

КРИЗИС В АРАБСКОМ МИРЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСЛАМ

© 2020 Б. ДОЛГОВ

DOI: 10.31857/S032150750009873-2

ДОЛГОВ Борис Васильевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр арабских и исламских исследований, Институт востоковедения РАН (dolgov.boris@list.ru)

Резюме. В статье рассматривается системный кризис в Арабском мире, наиболее ярким проявлением, которого стали протестные выступления «арабской весны», крах правящих режимов в ряде арабских стран, подъем движений политического ислама, в т.ч. их радикальных течений и возникновение вооруженных конфликтов. Выявляются и анализируются негативные явления в социально-экономической сфере в Арабском мире, получившие продолжение в 2018-2020 гг. как часть глобальных кризисных тенденций, в т.ч. в странах Запада, и выдвигаемый исламистским движением исламский проект как альтернатива западному либерализму.

Ключевые слова: Арабский мир, кризис, политический ислам, конфликт, исламский проект

CRISIS IN THE ARABIC WORLD AND THE POLITICAL ISLAM

Boris V. DOLGOV, Dr.Sc. (History), Leading Research Fellow, Center for Arabic and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (dolgov.boris@list.ru)

Abstract. This article provides a global overview of the System crisis in the Arabic World, which was manifested with the protest movements of the Arabic Spring, the crashes of the ruler regimes in some Arabic countries, the increasing of the movements of the political Islam, including their radical currents and the appearing of the armed conflicts in the Arabic World. The role and political goals of the outside actors in these conflicts were revealed. The causes of the support of the part of Moslems for the movements of the Political Islam and the methods of the Islamist propaganda were examined. The conceptions of the Islamist Ideology and the doctrine of the Islamic State were analyzed. The influence of the world financial and economical crisis and the turning for the worse the social and economical problems in leading Western countries on the negative tendencies in the Arab-Moslem world is analyzed. The paper clears up the increasing of the Islamist ideology in the Moslem communities in the European Union and reinforcement of the radical Islamism. The analysis was focused on the examining of the social and economical crisis in the Arab World in the period of the Arabic Spring and in the recent period in the years of 2018-2020 as a part of the global crisis tendencies, among them in the Western countries and the Islamic project, which Islamist movements move as an alternative for the Western model of the social and economical development and Ideology of the liberalism.

Keywords: Arabic world, crisis, political Islam, conflict, Islamic project

Развитие Арабского мира на современном этапе во многом характеризовалось кризисными явлениями. Они проявлялись как в социально-экономической, политической, так и в религиозно-идеологической сферах. Их следствием стали массовые протестные движения «арабской весны» в 2010-х гг., представлявшие собой реакцию общества на системный кризис, затронувший в разной степени большую часть Арабского мира. Общественно-политические процессы, развивавшиеся в ходе «арабской весны», получили свое дальнейшее развитие в последующих социальных движениях в 2018-2020 гг.

ПОСЛЕДСТВИЯ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ» И ИСЛАМИСТСКИЙ ФАКТОР

Одним из главных результатов «арабской весны» стало крушение правящих режимов в ряде

арабских стран, подъем исламистской идеологии и исповедующих его движений политического ислама, в т.ч. их радикальных течений, а также возникновение вооруженных конфликтов, продолжающихся с 2011 г. до настоящего времени. Причем их разрастанию и длительности в значительной степени способствовали действия внешних акторов, использовавших и зачастую интенсифицировавших данные конфликты для реализации своих интересов.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что если крушение режимов в 2011 г. в Тунисе, Египте, Йемене было обусловлено внутренними факторами, то свержение такового в Ливии и продолжение конфликта в Сирии, в основном, связано с вмешательством внешних акторов.

Основными причинами массовых социальных протестов «арабской весны» стало обострение со-

циально-экономических проблем, таких, как рост безработицы, особенно среди молодежи и, соответственно, отсутствие у большей ее части жизненных перспектив и возможностей создания семьи, снижение уровня и качества жизни значительной части населения¹ на фоне расслоения общества.

Важным фактором нарастания протестных настроений являлась коррупция и nepотизм десятилетиями стоявших у власти правящих элит и отсутствие реальных демократических свобод при формальном их провозглашении.

Значительную роль в возникновении протестных движений «арабской весны» играл также демографический фактор, т.к. в большинстве арабских стран молодежь в возрасте до 30 лет составляет до 50% населения. Именно молодые безработные, зачастую получившие высшее образование, но не имевшие возможности найти работу, составляли основу движущих сил протестных движений, в частности, в Тунисе и Египте.

В протестных выступлениях «арабской весны» наряду с диссидентской молодежью принимали участие либерально-демократические, левые, националистические силы, выступавшие с общедемократическими лозунгами и требованиями смены коррумпированного режима, решения социально-экономических проблем и продвижения демократических свобод.

Что касается исламистского фактора, то он в начале протестов не играл в них главной роли. Более того, например, в Египте организация «Братья-мусульмане» в начале протестных манифестаций дистанцировалась от них, заявив, что не участвует в выступлениях против режима. Движения политического ислама присоединились к протестующим на последующем этапе.

Тем не менее, после свержения авторитарных режимов именно партии политического ислама приходили к власти в результате демократических выборов и действительно свободного волеизъявления народа. В Тунисе это была партия «Нахда» (Возрождение), переименованная в 2011 г. в «Движение Нахда» (ДН) (араб. - *Харакат ан-Нахда*), во главе с видным деятелем политического ислама Рашидом Ганнуши, исповедовавшим исламистскую идеологию, близкую движению «Братьев-мусульман», а в Египте президентом был избран также представитель «Братьев-мусульман» - Мухаммед Мурси.

Необходимо отметить, что «Братья-мусульмане» большое внимание уделяли созданию горизонтальной сети своей организации, включавшей в себя политические структуры, благотворительные организации, мечети, профсоюзные и молодежные объединения. Таким образом, ее лидеры пытались создать некую модель «исламского государства» на уровне гражданского общества. Хасан аль-Банна, основатель ассоциации «Братья-мусульмане» провозгласил девизом организации «Аллах - наш идеал, Пророк - наш вождь, Коран - наша конституция» [1]. В период «арабской весны» этот лозунг почти дословно был повторен ставленником «Братьев-мусульман» Мухаммедом Мурси перед президентскими выборами в июне 2012 г.

Поддержка исламистов значительной частью населения на волне «арабской весны» была обусловлена тем, что в них видели силу, реально боровшуюся с диктаторским режимом, и своеобразных мучеников, пострадавших от его репрессий. В Египте во время президентских выборов в 2012 г. многие сторонники левой и насеристской² идеологии также отдали свои голоса представителю «Братьев-мусульман» Мухаммеду Мурси, видя в нем альтернативу его оппоненту Ахмеду Шафику, который для многих египтян ассоциировался с обанкротившимся режимом бывшего президента Мубарака (1928-2020).

Необходимо отметить, что в Тунисе успеху пропагандистской кампании исламистской партии «Нахда» как внутри Туниса, так и в общественном мнении Запада способствовал «двойной язык» исламистских лидеров и их пропагандистских органов.

Руководитель партии «Нахда» Рашид Ганнуши, долгое время находившийся в эмиграции в Западной Европе, понимал, насколько глубоко демократические традиции укоренились в европейском общественном сознании, а также важность общественного мнения при принятии решений европейскими правительствами. Поэтому в формулировках основных направлений исламистских доктринальных принципов в версии, предназначенной для Запада и светски ориентированной тунисской общественности, были полностью исключены все аспекты, используемые в обращениях к мусульманам - единомышленникам, которые могли быть интерпретированы как антидемократичные.

¹ Посол Египта в РФ на своей пресс-конференции в информационном агентстве «Россия сегодня» в июле 2013 г. подтвердил, что до 40% населения Египта жили на доход, составлявший менее \$2 в день, и существовали только благодаря субсидиям государства на продовольственные товары (*прим. авт.*).

² Идеологическая и политическая доктрина, реализовывавшаяся в Египте в период правления президента Гамала Абделя Насера (1954-1970). Основывалась на арабском национализме с ведущей ролью Египта в Арабском мире и построении в Египте «арабского социализма», включавшего в себя элементы социалистической концепции и ислама (*прим. авт.*).

В версии для Запада фигурировали такие лозунги, как совместимость ислама и демократии, и заявления, что «Нахда» - это умеренные исламисты, которые не имеют ничего общего с экстремистскими группами. Тем не менее, ряд исследователей и, в частности, имеющий дипломы университетов Туниса, Сорбонны и Гарварда тунисский профессор Лотфи Мактуф полагал, что «сам термин «умеренный исламизм» являлся гениальным изобретением исламистского медийного маркетинга, чтобы нейтрализовать все опасения либерально-демократических кругов Запада и не разделявших исламистскую идеологию мусульман» [2, p. 129].

Однако с такой позицией вряд ли можно полностью согласиться.

Действительно, тактика использования «двойного языка» - одного для своих единомышленников и другого - для аудитории, не разделяющей исламистскую идеологию, является одним из пропагандистских методов исламистов. Он применялся как «Нахдой», так и Исламским фронтом спасения (ИФС) в Алжире, «Братьями-мусульманами» в Египте и, в достаточной степени, в риторике лидеров мусульманских организаций во Франции, где самое многочисленное арабо-мусульманское сообщество (более 10% населения) в ЕС и наибольшее количество исламских организаций, лидеры которых используют «двойной язык», но его исламистскую составляющую используют менее открыто в сравнении с Тунисом, Алжиром и Египтом³.

Тем не менее, в исламистском, так же, как в любом идеологически ориентированном движении, существуют как радикальные, так и умеренные течения и их лидеры. Вопрос заключается лишь в том, насколько умеренные члены руководства могут влиять на общую политическую линию движения.

Немаловажным фактором, способствовавшим приходу к власти исламистских движений на волне «арабской весны» в Тунисе и в Египте явилась также их поддержка извне такими мусульманскими странами, как Турция и Катар, идеологические концепции которых близки «Братьям-мусульманам». С помощью этих стран, а также при их финансовой поддержке, исламистами была развернута широкая пропагандистская кампания, направленная на все слои населения при умелом использовании современных технологий и методов политической борьбы.

Однако после прихода к власти партии политического ислама не сумели решить ни одной из тех острых социально-экономических проблем, против которых был направлен социальный протест «арабской весны». Более того, экономические проблемы и ситуация с общественной безопасностью усугублялись⁴.

Усиление социальной напряженности и политической нестабильности вело к подъему политического и религиозного экстремизма. Участились случаи столкновений радикальных исламистов как с политическими оппонентами, так и с этническими и конфессиональными меньшинствами в Египте, Йемене, Ливии, Тунисе, Сирии. В наибольшей степени это касалось представителей христианских общин, что вызывало их эмиграцию. Некоторые исследователи говорили даже об исходе христиан с Арабского Востока.

В то же время у исламистских лидеров возобладала тенденция к монополизации власти и реализации своих партикуляристских целей. Такая их позиция вызвала разочарование и недовольство политических сил, которые принимали участие в свержении диктаторских режимов. Они чувствовали себя оттесненными от реальной власти и принятия решений по дальнейшему развитию страны и видели, что плодами победы над диктаторскими режимами воспользовались движения политического ислама.

Наряду с этим политика исламистских лидеров по усилению исламизации общественно-политической жизни провоцировала обеспокоенность и протест части населения, которая стремилась сохранить светские ценности. Такая ситуация вела к размежеванию в обществе и массовым протестным манифестациям против находившихся у власти партий политического ислама.

В результате, в Египте Мухаммед Мурси в июле 2013 г. был отстранен от власти армией, действия которой, за исключением «Братьев-мусульман», поддержали все политические партии, муфтий Египта и коптский патриарх. Президентом Египта в 2014 г. был избран министр обороны генерал Абдель ас-Сиси. В связи с тем, что радикальная часть «Братьев-мусульман» начала совершать террористические акты в Египте, деятельность ассоциации была запрещена. В Тунисе также под давлением массовых протестов исламистская партия «Нахда» ушла от власти, и по итогам президентских выборов, состоявшихся

³ В других странах есть своя специфика, в Германии большая часть мусульман - турки, в среде которых сильно влияние сторонников Эрдогана, в Англии - много выходцев из Индии, Пакистана, стран Юго-Восточной Азии, у исламских организаций здесь есть свои особенности, они менее публичны по сравнению с Францией (прим. авт.).

⁴ Во время пребывания в Египте в 2015 г. автору доводилось слышать рассказы египетских коллег о том, что в период президентства Мухаммеда Мурси в 2012-2013 гг. ситуация с общественной безопасностью резко обострилась. Жителям приходилось организовывать своеобразные группы дружинников для дежурства в подъездах своих домов в Каире из-за участвовавших квартирных краж и грабежей.

в декабре 2014 г. президентом был избран лидер демократически ориентированной партии «Призыв Туниса» Беджи Каид ас-Себси.

Тем не менее, «Движение Нахда» продолжало оставаться значительной политической силой, о чем свидетельствовали результаты парламентских выборов в 2014 г., на которых ДН заняло 2-е место по числу завоеванных им депутатских мест. Наряду с этим руководство «Движения» провозгласило в 2016 г. на X съезде радикальную трансформацию своей идеологии и переход к демократическим принципам, фактически отказавшись от доктрины «Братьев-мусульман». Так, Рашид Ганнуши заявил, что «политическому исламу нет больше оправдания в Тунисе, и Нахда является политической, демократической и гражданской партией» [3].

Вместе с тем, многие исследователи в Тунисе и за рубежом восприняли эти заявления как тактический ход, обусловленный изменившейся внутренней и внешней политической ситуацией. Тем не менее, часть достаточно известных западных экспертов, как, например Жак Хюнтзингер считали, что «Нахда» «восприняла, в отличие от египетских «Братьев-мусульман», необходимость глубокой идеологической ревизии политического ислама, так как только в этом случае возможна совместимость ислама с демократией» [4, р. 74].

КОНФЛИКТЫ В АРАБСКОМ МИРЕ

Одним из последствий «арабской весны» и возникших кризисных явлений в Арабском мире стало углубление размежевания и противостояния между различными арабскими странами и их группами. Они были обусловлены различиями в политических и экономических интересах и исторически сложившимися религиозно-политическими противоречиями, обострившимися в ходе возникших конфликтов, а также действиями внешних акторов, таких, как Турция, Иран и страны Запада.

Так, в Сирии руководство Башара Асада, противостоявшее вооруженной оппозиции, представленной, в основном, исламистскими суннитскими группировками, поддерживал Иран, имевший со-

юзнические отношения с сирийским руководством со времен ирано-иракской войны (1980-1988), а также шиитское ливанское движение «Хезболла», союзное Ирану.

В свою очередь, различные отряды сирийской вооруженной оппозиции поддерживались Королевством Саудовской Аравии (КСА), противостоявшим Ирану, а также Катаром. Причем в силу конфликтных отношений между КСА и Катаром⁵, КСА поддерживало сирийские группировки, исповедовавшие доктрины, близкие саудовскому ваххабизму, а Катар те, которые разделяли идеологию «Братьев-мусульман», практикуемую Катаром и запрещенную в КСА.

В то же время Турция, являясь наряду с Россией и Ираном страной-гарантом Астанинских соглашений⁶, тем не менее, поддерживала сирийские исламистские группировки, разделявшие идеи «Братьев-мусульман», определяя их как умеренную оппозицию. Это обусловлено, прежде всего, тем, что нынешнее турецкое руководство, представленное Партией справедливости и развития (ПСР) исповедует доктринальные концепции, идеологически близкие «Братьям-мусульманам», определенными экспансионистскими целями Анкары в отношении Сирии и региона, в целом⁷, а также стремлением к лидерству в исламском мире. Примечательно в этой связи заявление Рашида Ганнуши на переговорах в 2017 г. в Стамбуле с президентом Турции о том, что «после разгрома диктаторами «арабской весны» именно Турция под руководством Эрдогана стала лидером Исламского мира» (см.: <https://golosislama.com/news.php?id=30073>).

Особенно такая позиция Турции проявилась в Сирии в районе г. Идлиб в феврале 2020 г. в конфликте между сирийской правительственной армией и лояльными Турции исламистскими группировками, объединившимися в т.н. Национально-освободительный фронт (*Джабхат ватанийя ли-т-тахрир*), которые неоднократно совершали провокационные обстрелы позиций сирийских войск и населенные пункты, включая пригороды Алеппо.

В Сирии дислоцируются также воинские подразделения США и их союзников, несмотря на то,

⁵ В июне 2018 г. КСА, Бахрейн, ОАЭ, Египет прервали дипломатические отношения с Катаром, объявили о введении против него экономической блокады и ультимативно предъявили ряд требований. Среди них были такие, как прекращение поддержки террористических организаций (имелись в виду «Братья-мусульмане»), отказ от имевшего места, по мнению этих стран, сотрудничества с Ираном, прекращение строительства турецкой военной базы в Катаре, закрытие финансируемого Катаром телеканала Аль-Джазира (*прим. авт.*).

⁶ Соглашения, заключенные на переговорах, проходящих в г. Астана (Казахстан) с 2017 г. между представителями правительства Сирии и сирийской оппозиции, в т.ч. частью вооруженных группировок, под эгидой России, Ирана и Турции - гарантов этих соглашений (*прим. авт.*).

⁷ Во время встречи сирийской оппозиции с представителями неправительственных международных организаций в Стокгольме в апреле 2017 г. один из ее участников рассказывал автору этих строк, участвовавшему в данной встрече, что в среде сирийской исламистской оппозиции президента Эрдогана называют «Амир аль-муминин» - «Повелитель правверных» (титул халифа) (*прим. авт.*).

что ИГИЛ, для борьбы с которым они предназначались, к 2018 г. было разгромлено благодаря, в основном, действиям российских ВКС и сирийской правительственной армии, и для нахождения американских военных в Сирии нет легитимных оснований. Причем возникновению ИГИЛ и его террористической экспансии в 2014-2017 гг. на части территории Сирии и Ирака во многом способствовала поддержка сирийской вооруженной оппозиции, в т.ч. ее радикальных группировок, монархиями Персидского залива, Турцией и ведущими странами НАТО

В Йемене после отстранения хуситским⁸ движением от власти президента Хади продолжается вооруженный конфликт между хуситами, политически и дипломатически поддерживаемыми Ираном, и сторонниками находящегося в КСА свергнутого президента Хади, которых поддерживает КСА, осуществляя с 2015 г. совместно с рядом государств Персидского залива прямое вооруженное вмешательство в Йемене [7]. Вместе с тем, на юге Йемена действует Южный переходный совет - организация, выступающая за независимость юга Йемена⁹.

В Ливии после краха в 2011 г. режима Муаммара Каддафи, произошедшего в результате прямой военной поддержки странами НАТО противников Каддафи, представленных по большей части исламистскими группировками, продолжается гражданский конфликт. Основные его участники, с одной стороны, - Правительство национального согласия (ПНС), базирующееся в ливийской столице г. Триполи, возглавляемое Фаизом Сарраджем и признанное ООН. С другой - Временное правительство и парламент Ливии, избранный в 2014 г., действующие в восточной части страны в г. Тобруке.

Причем, если вооруженные формирования, поддерживающие ПНС, представлены различными, в основном, исламистскими силами, исповедующими, в том числе, идеологию «Братьев-мусульман», то на стороне правительства в Тобруке действует сформированная и возглавляемая маршалом Халифой Хафтаром Ливийская национальная армия (ЛНА), в которую вступила часть военнослужащих бывшей армии Каддафи и которая имеет поддержку довольно значительной части ливийского общества.

При этом ПНС поддерживается Турцией, в силу ее геополитических, экономических и конфессионально-идеологических интересов, и Катаром, а также Тунисом и Алжиром, поддержка которых не официальная, т.к. их официальная позиция -

необходимость переговоров и компромисса. С другой стороны, действия ЛНА во главе с Халифой Хафтаром поддерживаются Египтом, Саудовской Аравией, ОАЭ и в известной мере - Францией и Грецией (их поддержка не объявляется открыто, т.к. ПНС официально признано ООН).

В 2020 г. конфликт в Ливии обострился, с одной стороны, в результате предпринятого ЛНА наступления на Триполи, и, с другой стороны, в связи с активизацией вмешательства в конфликт внешних сил. А именно, Турции, оказавшей ПНС военную поддержку, в т.ч. передислоцировав из Сирии на помощь военным формированиям ПНС боевиков из лояльных Турции сирийских вооруженных группировок. При этом Анкара заявляла, что на стороне ЛНА воюют иностранные военнослужащие, в частности, из Судана.

КРИЗИС В АРАБСКОМ МИРЕ, КАК ЧАСТЬ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА

Продолжением процессов, начавшихся в ходе «арабской весны», стали протестные движения в ряде арабских стран, происходившие в 2018-2020 гг. Их результатом стала смена правительств в Алжире, Судане, Ливане и Ираке, а также досрочное избрание нового президента в Тунисе Каиса Саида в связи с кончиной президента Беджи Каида ас-Себси в 2011 г. и избрание спикером тунисского парламента в ноябре 2019 г. лидера исламистской партии «Движение Нахда» Рашида Ганнуши, происходившие также на фоне протестных манифестаций.

Основными причинами массовых протестов в арабских странах как в период «арабской весны», так и на современном этапе - наряду с исторически обусловленными особенностями для каждой страны и внешними факторами - являлись все те же нерешаемые внутренние кризисные явления в социально-экономической сфере.

Этот социально-экономический кризис, переживаемый большинством стран Арабского мира, которые воспроизводили западную общественно-экономическую модель и являлись ее интегральным элементом, можно рассматривать в более широком плане - как следствие и часть глобальных негативных явлений, происходивших в мировой экономике.

Они обусловлены тем, что основной принцип данной модели, предполагающий достижение максимальной прибыли при минимальных затра-

⁸ Хуситы - движение мусульман, исповедующих зейдитский (по имени его основателя Зейда ибн Али) мазхаб шиитского направления ислама, названное в честь его лидера имама Хусейна аль-Хуси (прим. авт.).

⁹ На территории Йемена до его объединения в 1990 г. существовало два государства - Йеменская арабская республика (ЙАР) и Народная демократическая республика Южный Йемен (НДРЮЙ) (прим. авт.).

тах и, соответственно, максимальную рентабельность производства, наряду с определенным позитивным макроэкономическим эффектом, несет и значительные негативные последствия. А именно - рост безработицы, что провоцирует снижение уровня жизни значительных слоев населения, а также расслоение общества, что ведет к усилению социальной напряженности. Наряду с этим продолжается тенденция сосредоточения финансовых ресурсов в руках узкой группы банковских и олигархических структур и, с другой стороны, рост числа неимущих в мире.

Обострение социально-экономических проблем в большей степени коснулось в странах ЕС мигрантской среды, представленной, в основном, арабо-мусульманской диаспорой. Такая ситуация вела к тому, что часть мусульманской молодежи, не имевшей возможности найти свою нишу на рынке труда, обращалась к исламистской идеологии.

ИСЛАМСКИЙ ПРОЕКТ - АЛЬТЕРНАТИВА ЗАПАДНОЙ МОДЕЛИ?

Что касается движений политического ислама, их подъем в Арабском мире, а также в достаточной мере в арабо-мусульманских сообществах в Европе, большая часть которых сохранила свою исламскую идентификацию и являлась также частью арабо-мусульманского мира, был обусловлен системным кризисом, в котором действовали его социально-экономическая, политическая и идеологическая составляющие. В свою очередь, идеологический кризис был во многом обусловлен тем, что правящие арабские режимы пытались реализовывать модель либеральной демократии после провала политики национализма и социалистической ориентации, а также ухода из арабского общественного сознания пользовавшейся достаточным влиянием социалистической идеи, что во многом было обусловлено крахом поддерживавшего ее советского блока.

Тем не менее, западный либерализм не был воспринят большинством арабских социумов, считавших эту идеологию чуждой традиционным исламским ценностям и частью политики вестернизации и экспансии Запада. В результате, образовавшийся своеобразный идеологический вакуум стал заполняться исламистской идеологией, представлявшей собой социальный и отчасти цивилизационный протест, выраженный в религиозной форме.

Одним из основных теоретических обоснований исламистских идеологов о необходимости выработки «исламского пути» являлось утверж-

дение о том, что западное общество, по их мнению, находится в состоянии морального упадка и духовного кризиса. Согласно исламистским концепциям, которые развивал один из идеологов политического ислама, лидер алжирского «Исламского фронта спасения» Аббаси Мадани, «либерализм способствовал формированию общества, где проповедуется эгоизм и неограниченная свобода. В таких условиях человек может предаться самым низменным страстям, присущим его животной природе и инстинктам. Тем самым общество, в котором он существует, обрекается на деградацию и смуту» [5, р. 20].

На основании этого делался вывод о необходимости и неизбежности выработки «исламской альтернативы» как закономерной ответной реакции мусульман на кризис либерализма и западного общества в целом.

Исламский путь, как заявляют его проповедники, представляет собой такое общественное развитие, в котором идеологической основой будут являться исламские ценности, а форма жизнеустройства станет базироваться на законах Корана и шариата, воплощенная в «исламском государстве». Такому позитивному развитию мусульманского общества, по утверждению лидеров политического ислама, должно способствовать также распространение принципов исламской экономики. Они предполагают исламское социальное партнерство между предпринимателями и наемными работниками, поскольку и те и другие являются мусульманами, и наиболее справедливую и прогрессивную, с точки зрения исламистов, исламскую банковскую систему, в которой не взимается банковский процент¹⁰.

Таким образом, движения политического ислама предлагали исламский проект создания справедливого миропорядка как своего рода альтернативу ныне действующей западной общественно-экономической и идеологической модели. Причем наиболее радикальные исламистские идеологи ставили своей целью реализацию исламского проекта не только в арабо-мусульманском мире, но и создание всемирного халифата.

Если говорить о реальном воплощении исламского проекта в мусульманском мире, такие попытки, не увенчавшиеся успехом, предпринимались в Алжире, Судане и в ходе «арабской весны» в Тунисе и Египте. В определенной степени они реализованы в шиитском варианте в Иране и в суннитском - в Турции, где правящая группировка состоит из представителей умеренного исламизма, выходцев из движения «Братьев-мусульман».

¹⁰ Реально он существует, но в другой форме (прим. авт.).

Исламский проект пользовался определенной поддержкой среди части мусульман, что способствовало подъему исламистских движений в период «арабской весны». В дальнейшем террористические действия радикальных течений политического ислама в ряде арабских стран, активизация терроризма в Европе, которую ИГИЛ объявил «благословенным нашествием солдат Халифата на крестоносцев» [6, р. 11], а также продолжающиеся конфликты в Сирии, Ливии, Йемене, обусловили снижение поддержки политического ислама в мусульманских социумах.

В условиях перманентного обострения социально-экономических проблем в большей части арабо-мусульманского мира и в странах Запада, исламский проект, являющийся наиболее понятным и приемлемым для части мусульман, вновь может выйти на политическую авансцену. Тем более, что действующая общественно-экономическая модель либерализма и свободного рынка не демонстрирует успешного решения вышеуказанных проблем.

Свою альтернативу западной модели показывает успешное развитие Китая, экономика которого - вторая в мире. Китай реализовал своеобразную конвергенцию, не отказавшись от социалистической системы, интегрировав в нее элементы свободного рынка и осуществляя при этом широкую экономическую экспансию в мире, в т.ч. в арабские страны.

Общественно-экономическая система Китая показала свои явные преимущества в решении такой глобальной проблемы, как эпидемия коронавируса - COVID-19 в 2020 г. В КНР с ней справились, в основном, за 2 месяца и с гораздо меньшими потерями как человеческими, так и экономическими, по сравнению с Европой и США.

В Арабском мире коронавирус также не получил столь широкого распространения. Во-первых, в связи с тем, что практически во всех арабских странах 50% населения - это молодые люди моложе 30 лет, которые легче переносят эту инфекцию и жаркий климат, снижающий, по мнению части медиков, его распространение. Во-вторых, в тех

странах, где имеют место гражданские конфликты, COVID-19 не уделяется столь большого внимания, в т.ч. в СМИ, - он отходит на второй план перед более острыми вопросами, а также вследствие недостатка достоверной информации в связи с деградацией системы здравоохранения.

Тем не менее, ряд мер для борьбы с эпидемией принят практически во всех арабских странах. На Ближнем и Среднем Востоке наибольшее число заболевших и погибших было зарегистрировано в Иране, соответственно, около 20 тыс. и 1 тыс. 300 на середину марта 2020 г., но затем ситуация стабилизировалась. В арабских странах эти цифры, по довольно приблизительным данным ВОЗ, составляли более 20 тыс. заболевших и 1 тыс. летальных исходов на 18 стран региона, однако впоследствии эти цифры увеличивались.

В большинстве арабских стран был введен режим самоизоляции и карантина, закрыты места общего пользования, ограничены сообщения между странами и въезд иностранных граждан. В Сирии перенесены парламентские выборы с апреля на конец мая 2020 г. Ряд арабских стран запросили помощь у Китая. В свою очередь, Кувейт и ОАЭ оказали помощь Ираку и Ирану, а также выделили \$40 млн в фонд ВОЗ. Наряду с этим США отказались снять санкции с Ирана и Сирии и прекратили финансировать ВОЗ.

Однако проблемы, которые провоцирует коронавирус, такие, как снижение темпов развития экономики, потеря миллионов рабочих мест и, соответственно, снижение уровня жизни, могут привести в Арабском мире, и не только, к обострению кризисных явлений и социальным протестам.

В этой связи вполне вероятно, что альтернативой исламскому проекту, а также либеральной модели общественного развития, сможет стать идеология, провозглашающая справедливый миропорядок, но основанная на некоей конвергенции социалистической идеи, вобравшей в себя современные социальные и иные концепции, к которой обратится человечество на следующем цивилизационном витке своего развития.

Список литературы / References

1. Hasan al-Banna (1906-1949). <http://www.islamtimes.org/en/doc/article/3884> (accessed 8.04.2016)
2. Mactouf Lotfi. *Sauver la Tunisie*. Librairie Artheme Fayard. Paris, 2013.
3. Laurent Ribadeau. *Congres d'Ennahda en Tunisie: la fin de l'islam politique?* <http://www.geopolis.francetvinfo.fr/congres-d-ennahda-en-tunisie-la-fin-de-lislam-politique-106825> (accessed 15.09.2016)
4. Jacques Huntzinger. *Les printemps arabes et le religieux. La secularisation de l'islam*. College des Bernardins. Editions Parole et Silence. P., 2014.
5. Madani Abbaci. *Crisis of the contemporary thought and justification of the Islamic decision*. Alger, 1409/1989. (In Arab.)
6. Kepel Gilles. *Terreur dans l'Hexagon*. Editions Gallimard. Paris, 2015.
7. Подробнее см.: Бурт А.А. Пропанганда хуситов в Йемене. Калька с ливанской «Хезболлы» или самостоятельный продукт? *Азия и Африка сегодня*. 2020, № 5, с. 21-27. (Burt A.A. The Houthis propaganda in Yemen: A copy of the Lebanese Hezbollah or their own product? *Asia and Africa today*. № 5) (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750009543-9